

Протоиерей Иоанн (Эрекле) Кванчиани

Архиепископ Астраханский и Кавказский Сильвестр (Лебединский) как библеист и толкователь Христовых притч

Определяя жанр притчи как форму изящного образного языка, архим. Сильвестр (Лебединский) соответствовал духу времени: изображение действия мифологического сюжета в ярких узнаваемых образах обладало эффектом аллегории, которым активно пользовались эстетические системы и барокко, и раннего классицизма. Контекст, который предлагал рассматривать Сильвестр, был не ситуационный, а только речевой, однако, автор и сам активно пользовался притчевым языком, заимствуя его аллегорические формы из Евангелий. Он отмечал, что в притчах Спасителя была и некая герметичность и, одновременно, народность. Труд Сильвестра посвящен нравственному богословию с опорой на евангельский контекст.

ключевые слова: Притчи, Евангелие, архиеп. Сильвестр (Лебединский), библеистика, литературный жанр.

Изучение евангельских притч в русской библеистике было явлением редким. Только несколько исследователей Священного писания, в основном связанных с системой богословского образования Православной российской церкви, близко касались этого вопроса. Первым трудом в русской библеистике, посвященным притчам Христовым, стал «Приточник евангельский или Изъяснение притчей во святом Евангелии обретающихся, на мнении святых отец основанное: С приложением душеспасительных приличных всякой притче разсуждений и богословских нравочений» архиепископа Астраханского и Кавказского Сильвестра (Лебединского), бывшего в тот момент архимандритом и ректором Казанской семинарии. Поскольку в русской литературе у «Приточника...» не было предшественников, а между допетровской и послепетровской церковной литературой возник непреодолимый разрыв, ему пришлось фактически заново открывать эту тему для русскоязычного читателя. Последнего, впрочем, было еще совсем мало, так как церковная литература не была

широко доступна и не было категорий, которые могли бы стать естественными читателями подобного рода литературы. Она предназначалась в первую очередь служащему духовенству для чтения вслух прихожанам, поскольку практика говорения проповедей еще только складывалась [Смолич, 18–21, 33–36, 53–54]. Семинаристы же только начинали учиться на русском языке, поэтому эта книга стала одним из первых пособий по библеистике [Сухова, 49–50]. В то же время ее автор в предисловии заявлял, что он не имел «намерения совершенно истолковать притчи Евангельския все; но цель начинания... состояла в том, дабы из притчей сделать пристойныя разсуждения с полезными нравонаставлениями» [Сильвестр 1997, 9]. Иными словами, основной целью было просвещение достаточно широких масс потенциальных читателей, а не изучение малоизученного библейского материала на научной основе. Впрочем, в целом, такой подход был типичным для авторов второй половины XVIII в.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу принципов работы архиеп. Сильвестра, необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать его биографию. Архиепископ Астраханский и Кавказский Сильвестр (Лебединский), выпускник Киевской духовной академии, почти всю жизнь провел в Харькове, Казани и Астрахани [РГЭ, 446]. Родившийся под Харьковом и закончивший Харьковский коллегиум — одно из лучших учебных заведений Малороссии, переживавшее тогда пору своего расцвета, — Сильвестр (его мирское имя неизвестно) несколько лет преподавал там же пиитику и катехизис, а затем переехал в Астрахань для устройства там семинарии. В созданной в Астрахани семинарии он стал префектом и профессором философии и богословия, а затем — в 1791 г. — ректором, будучи возведен в сан архимандрита. В 1774 г., когда архим. Сильвестр стал ректором Казанской духовной семинарии, он начал изучать притчи и подготовил к публикации книгу «Приточник евангельский» (1794). После преобразования Казанской семинарии в академию (1797), архим. Сильвестр стал ее первым ректором и профессором богословия. В 1799 г. он был хиротонисан в епископа, сменив за оставшиеся 9 лет жизни две кафедры — Полтавско-Переяславскую (Полтавская семинария в годы его архиерейства также была доведена до уровня одного из лучших учебных заведений Малороссии) и Астраханско-Кавказскую [Пархоменко, 1–8, 22].

После возведения в архиерейский сан, еп. Сильвестр большое внимание уделил развитию Полтавской семинарии, действовав-

шей в его епархии. Вновь набранных им учителей, в основном из духовенства епархии, отличало прежде всего знание иностранных — древних и современных — языков. Воспитанников семинарии заставляли разговаривать на греческом и латыни, активно изучалась и русская литература второй половины XVIII в., включая исторические труды митр. Платона (Левшина), М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова [*Пархоменко, 16–19*]. Именно эта черта — пристальное внимание к языку, на котором говорят и пишут авторы разных стран, умение отдать каждому должное и выказать предпочтение отечественному — была, очевидно, отличительной чертой архимандрита, а затем епископа Сильвестра, так как его труды, в отличие от большинства богословских академических сочинений того времени, написаны на русском языке.

Основные богословские труды были написаны архиеп. Сильвестром еще в годы его ректорства в Астраханской и Казанской семинариях. Так, помимо «Приточника евангельского» им была составлена книга «Нетленная пища или душеспасительные размышления на Священном писании основанная, мнениями св. отец и других ученейших мужей исполненная, историею Священною и светскою, иносказаниями, подобиями и нравоучениями богословскими украшенная» (М., 1799). Работа его над книгой о притчах почти совпала с подъемом русской библейской науки в Санкт-Петербургской духовной академии, который ознаменовался трудами свт. Филарета (Дроздова) и прот. Герасима Павского. «К сожалению, несколько последующих десятилетий после плодотворных 10-х годов прошлого (XIX. — И. К.) столетия для библеистических исследований СПбДА, да и вообще для всей отечественной библеистики, были отмечены если не регрессом, то почти полным застоєм», — замечал об этом времени архим. Ианнуарий (Ивлиев) [*Ианнуарий, 193*]. Именно поэтому первые основательные труды, посвященные Христовым притчам, стали появляться в духовных академиях только с 1860-х гг. [*Виталий*].

В заглавии книги «Приточник евангельский...» указано, что она написана на основании учения святых отцов. Однако если вчитаться в ее содержание, станет очевидно, что в целом ее контекст — почти чисто библейский. Анализ содержания евангельских притч представляет собой рассуждения, скрепленные цитатами из Ветхого и Нового заветов (при этом Новый завет использован заметно больше). Мнений святых отцов и учителей Церкви в тексте совсем немного — блж. Иероним,

свт. Иоанн Златоуст, свт. Григорий Назианзин, блж. Августин, свт. Амвросий Медиоланский, свт. Киприан Карфагенский, Ориген, свт. Григорий Двоеслов и другие. Мнений западных отцов приводится заметно больше, чем восточных. Очевидно архим. Сильвестр пользовался некоторыми латинскими изданиями патристической литературы [*Введение*, 296–297, 300]. Патетический стиль напоминает европейскую сентиментальную литературу, что вообще свойственно литературе конца XVIII в. [*Артамонов*, 595, 600].

Кроме того, евангельские притчи архим. Сильвестр понимал как проявление Христом Своих свойств как Премудрости, явившейся в мире, «скрыв сияние Своего Божества» из-за «потемнения» света премудрости, данной Богом людям [*Сильвестр 1997*, 5]. Это утверждение практически приводило к мысли, что по причине искаженности человеческого восприятия и «прикровенности» явившегося в мир Бога и общение Его с человеком носило «прикровенные формы». Этот вывод архим. Сильвестра совершенно выбивался из сложившейся традиции. Например, свт. Тихон Задонский писал, напротив, о всеобщности и доступности текста Священного писания и изложенного в нем учения Христова [*Тихон*, 5–7]. Среди прочих обращений Христа к людям, которые архим. Сильвестр определял как «спасительные наставления, утешения, обещания и угрозы», притчи позволяли «учение Свое сделать приятнейшим, подобно живописцу, которой темной лес умеет сделать ясным, помощью красок» [*Сильвестр 1997*, 5]. Таким образом, архим. Сильвестр попытался определить жанр притчи как форму изящного образного языка, отличавшегося большим художественным потенциалом, что позволяло слушателям Христа зримо представить суть Его учения. В подобном определении жанра притч архим. Сильвестр совершенно соответствовал духу времени: изображение действия мифологического сюжета в ярких узнаваемых (человеком XVIII в.) образах обладало эффектом аллегории, которым активно пользовались эстетические системы и барокко, и раннего классицизма [*РГЭ*, 60]. Фактически, архим. Сильвестр понимал под притчей аллегорию, призванную оттенить прямую речь изящностью образа, не существующую без объяснения, содержащегося в прямой евангельской речи, и имеющую в качестве цели усиление воздействия на слушателя [*Сильвестр 1997*, 6]. Это же понимание притч и применения притчного языка получило отражение и в названии, и в стилистическом

оформлении его книги «Нетленная пища...», где исторические сведения дополнены «иносказаниями, подобиями и нравоучениями» [Сильвестр 1799].

Таким образом, можно утверждать, что архим. Сильвестр первым поставил в русской библеистике вопрос о контексте, в котором фигурируют евангельские притчи. Однако сама по себе постановка вопроса сегодня может быть оценена как весьма несовершенная, поскольку контекст, который предлагал рассматривать архим. Сильвестр, *был не ситуационный, а только речевой*. Это вполне понятно, если учесть, в какую эпоху писал архим. Сильвестр. Он подчеркивал вспомогательную функцию притчи как жанра, не имевшего, по его мнению, самостоятельного значения. Притчи Христовы своими непростыми для прочтения образами вынуждали слушателей вдумываться в значение Его слов более «прилежно» и «тщательно» [Сильвестр 1997, 6–7]. Примером такого противопоставления смысла и его красочного образительного описания для усиления эффекта могут служить фразы из его же книги «Нетленная пища...»: «Узнав сие, кому уподобим мир сей? Подобен павлину, кой разностию своих перьев гордится, но вдруг перестает, как только увидит гнусныя свои ноги» [Сильвестр 1799, 40]. Такими примерами, аллегориями и образами насыщена его книга «Нетленная пища...», есть они и в «Приточнике евангельском...». Таким образом, архим. Сильвестр сам активно пользовался притчевым языком, заимствуя его аллегорические формы из Евангелия.

Сильвестр намекал и на то, что в притчах Спасителя была и некая эзотеричность. Она была мотивирована в труде архим. Сильвестра тем, что Христу нужно было скрыть Свое учение от поношения фарисеев и книжников [Сильвестр 1997, 7]. Желание объяснить притчи, мало понятные современникам архим. Сильвестра, — цель книги самого библеиста. Он видел эту сторону притч актуальной и в его дни. Этому тезису внешне противоположен еще один аспект притчного языка — его народность, понятная простонародью [Сильвестр 1997, 7]. Казалось бы, то, что было понятно рыбаку, тем более должно было быть понятно книжнику (тонкое противопоставление книжного и народного языка в конце XVIII в. еще не было общеупотребительным знанием, хотя дворянская речь, церковно-академическая и народная имели существенные различия; речь шла о создании единого национального языка [Виноградов 1, 102–250]). Все три приведенные выше характеристики были естественны для ученого

человека конца XVIII в., вместе указывая либо на влияние мировоззрения, либо даже на принадлежность к масонству. В самом деле, речевые аллегории, требовавшие специальных знаний, чтобы вызывать соответствующие аллюзии, герметичность и игра в «народность» — отличительные черты масонства [*Карвелис, 11–12, 14–16; Флоровский, 122*]. Утверждать, что архим. Сильвестр в бытность ректором Казанской духовной семинарии был членом масонской ложи, довольно трудно, однако признаки близости системы его образов с масонской налицо. Впрочем, «игра в народность» была одной из черт уже зарождавшегося в конце XVIII в. романтизма, бывшего как своеобразным продлением жизни барочного мировоззрения, так и ответом официальному классицизму. Возможно, что такая невольная «актуализация» библейского материала была просто свойственна архим. Сильвестру как мыслителю и писателю.

Тем не менее, не все в работах архим. Сильвестра точно и естественно. Прочие признаки притч, выделяемые архим. Сильвестром, являются плодом использования схоластического приема по выявлению характеристик изучаемого явления [*Флоровский, 104–114*]. Они все «грешат» абстрактностью, не приложимой к жизненным реалиям. Так, совершенно неясно, почему приточный язык способствовал лучшему запоминанию, лучше постигался людьми с минимальными способностями к восприятию (п. 4 и 5). Ученый монах пытался также оберечь притчи от свободного толкования и придавал им обличительный пафос басни (п. 7 и 6). Последние же пункты, описывающие особенности притч, в некоторой степени дезавуируют сказанное выше — вместо запрета на буквальное понимание им выставлен запрет на толкование отдельных мест притч и запрет на выводы, «разве сей смысл сам Дух Святой изъяснит». Изъяснение притч монополизировалось, согласно его выводам, ученым духовенством. Несмотря на это, по мнению архим. Сильвестра, в притчах нужно выделять и постигать «1) предмет или цель; 2) скорлупу, или поверхность от вещей видимых; 3) смысл, или другую часть духовную» [*Сильвестр 1997, 8*].

Резюмируя сказанное выше, можно заключить, что труд архим. Сильвестра «Приточник евангельский...» — не труд собственно по изъяснению Писания, а труд по нравственному богословию с опорой на евангельский контекст. Однако яркая, талантливо примененная форма мышления человека второй половины XVIII в., самобытная и ясная, должна была найти отклик.

Притча как метод была близка самому архим. Сильвестру через духовную и художественную культуру родного для него XVIII в.

Остается только удивляться, что труд о притчах родился так поздно — в последние годы века, и что такой труд подъял на себя только один автор, а не несколько, хотя качество труда архим. Сильвестра нужно оценить очень высоко. Близость притчезового языка для самого архим. Сильвестра очевидна при детальном знакомстве с другим трудом этого автора — книгой «Нетленная пища...». Не обговаривая детально стилистику притчи как метода мыслительной и транслятивной деятельности, он пользуется им как художественно-мыслительным приемом. Помимо приведенного выше примера с образом павлина, можно привести еще ряд примеров: так грех, мир, Ветхий Завет и последние времена (сразу четыре разнородных явления) архим. Сильвестр уподобляет ночи, а зарю — благодати Божией, слову Божию, покаянию, окончанию жизни, воскресению мертвых и Церкви Божией (сразу пяти разнородным явлениям) [*Сильвестр 1799, 44–48, 50–53*]. О последней он пишет: «Невеста церковь есть многогонимая и угнетенная в ночи искушения мирского, ожидающая откровения Господа нашего Иисуса Христа. Изыдет некогда невеста сия из гроба своего, и хотя живых некоторых застанет в день он, но и сии пойдут к Богу своему» — образ, чрезвычайно близкий евангельскому, однако далеко с ним не тождественный, а сочиненный самим архимандритом [*Сильвестр 1799, 53*].

Между тем для архим. Сильвестра нет границы между притчей и аллегорией, а та кажущаяся разница, которая стала очевидной для последующих экзегетов, наполнена у него целой гаммой полутонов, скрадывающих дистанцию между ними. Если уподобление мира павлину есть подражание евангельской притче о детях (Мф 11:16), а уподобление Церкви заре является аллюзией на евангельские подобию горчичного зерна или закваски, то объяснение облака как облачения, «ибо оным небо, как бы в ризу, облачается», отстоит от евангельских и псаломических аналогов, но уже является чистой аллегорией [*Сильвестр 1799, 54*].

Искренняя вера в способность аллегорий, как живых образов, объяснить суть окружающих явлений, породила богатую церковную литературную традицию. Достаточно вспомнить «Новую скрижаль» архиеп. Вениамина (Краснопевкова), изданную в 1803 г. и зачастую основанную на тех же аллегорических приемах толкования богослужения [*Вениамин, III*]. Архимандрит Сильвестр сам пользуется аллегорическо-притчевым языком как сво-

им собственным и потому понимает и чувствует притчу намного тоньше и убедительнее более поздних толкователей, таких как архим. Виталий (Гречулевич) [*Виталий*] или Н. И. Виноградов [*Виноградов 2*], примитивно-репрезентативный (в первом случае) и механическо-рациональный (во втором случае) подход которых выдает абстрагирование их от предмета изучения и лишь формальное понимание его внутренней сути. Аллегорическим стилем мышления архим. Сильвестр пользуется как одним из основных инструментов или методов познания Бога и мира, и потому Священное писание для него — это лучший источник вдохновения. Этот стиль позволяет легко объединить в одно смысловое и языковое пространство весь текст Священного писания.

Необходимо признать, что работы архим. Сильвестра (Лебединского) представляют большой интерес не только для истории библеистики, но и для истории богословского языка и метода мышления русских богословов рубежа XVIII–XIX вв., которые можно охарактеризовать как самобытный опыт аллегорического прочтения изучавшихся ими текстов и явлений. Такой подход применительно к изучению притч Христовых был одним из наиболее удачных хотя бы потому, что принцип притчевого мышления, находившийся в центре внимания библеиста, был ему самому близок и применялся им при толковании притч. Тонкое созвучие эпохе позволяет оценить труды архим. Сильвестра как весьма актуальные и написанные на высоком уровне. Отчасти работы архим. Сильверста по богословскому осмыслению и истолкованию притч, сказанных Спасителем, не утратили ценности и в наше время.

Источники и литература

1. *Артамонов* = Артамонов С. Д. История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. М. : Просвещение, 1978. 608 с.
2. *Введение* = Введение в историю церкви : [В 2 ч.]. Ч. 1: Обзор источников по общей истории Церкви / Под ред. В. В. Симонова. М. : Изд-во МГУ, 2012. 747 с.
3. *Вениамин* = Вениамин (Румовский-Краснопевков), архиеп. Новая Скрижаль или объяснение о Церкви, о Литургии и о всех службах и утварях церковных : В 2 т. Т. 1. Репринт. изд. 1899 г. М. : Русский духовный центр, 1992. 255 с.
4. *Виноградов 1* = Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высшая школа, 1982. 529 с.

5. *Виноградов 2* = Виноградов Н. И. Притчи господа нашего Иисуса Христа : [Толкование] : В 4 т. М. : Унив. тип., 1890–1891.
6. *Виталий* = Виталий (Гречулевич), еп. Притчи Христовы. Вып. 1–10. СПб., 1860–1861.
7. *Ианнуарий* = Ианнуарий (Ивлиев), иером. Вклад С.-Петербургской Духовной Академии в русскую библеистику // Богословские труды. Сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М. : Изд-во Московский патриархии, 1986. С. 192–198.
8. *Карвелис* = Карвелис М. А. Массонская символика в русской культуре XVIII — начала XIX вв. : Автореф. дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2010. 19 с.
9. *Пархоменко* = [Пархоменко В.] Сильвестр Лебединский, первый епископ Полтавской епархии : (К столетию со дня кончины). Полтава : Электр. типо-лит. торг. д. И. Л. Фришберг и С. Е. Зорохович, 1908. 24 с.
10. *РБС* = Сильвестр (Лебединский) // Русский биографический словарь : В 25 т. Т. 18 : Сабанеев — Смыслов. СПб. : Тип. В. Демакова, 1904. С. 446.
11. *РГЭ* = Российский гуманитарный энциклопедический словарь : В 3 т. М. : Владос, 2002. Т. 1. 688 с.
12. *Сильвестр 1799* = Сильвестр (Лебединский), архим. Нетленная пища или душеспасительные размышления на Священном писании основанные, мнениями св. отец и других ученейших мужей исполненные, историею Священною и светскою, иносказаниями, подобиями и нравоучениями богословскими украшенные. М. : Унив. тип., у Ридигера и Клаудия , 1799. XIV, 565 с.
13. *Сильвестр 1997* = Сильвестр (Лебединский), архиеп. Приточник евангельский или Изъяснение притчей во святом Евангелии обретающихся, на мнении святых отец основанное, с приложением душеспасительных приличных всякой притче рассуждений и богословских нравоучений. Репринт. воспр. изд. 1822 г. СПб. : Светослов, 1997. 646 с.
14. *Смолич* = Смолич И. К. История Русской Церкви : [В 9 кн.]. [Кн. 8.] : 1700–1917. Ч. 2. М. : Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. 798 с.
15. *Сухова* = Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы. Вторая половина XIX века. М. : ПСТГУ, 2006. 659 с.
16. *Тихон* = Тихон Задонский, свят. Творения : В 5 т. 5-е изд. Т. 2 : 1770–1771 : О истинном христианстве М. : Синодальная типография, 1889. II, 359, IV с.
17. *Флоровский* = Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Вильнюс : Вильнюс. правосл. епарх. упр., 1991. 574 с.

Archpriest Ioann (Erekle) Kvanchiani**The Archbishop of Astrakhan and Caucasus Sylvester (Lebedinsky) as Biblical Scholar and Interpreter of Christ's Parables**

Defining the genre of parable as a form of refined figurative language, Archimandrite Sylvester (Lebedinsky) perfectly kept up with the times. His depiction of the mythological plot in the brightly recognizable images had an effect of allegory, actively used by the aesthetic systems of baroque and early classicism. The context proposed by Archimandrite Sylvester was not a situational one but only a conversational one. However, the author himself used actively the parable language, borrowing his allegorical forms from the Gospels. He noted that the Savior's parables were both impermeable and open to common people. Archimandrite Sylvester's work is focused on moral theology based on the evangelical context.

KEYWORDS: the Parables, Gospel, Sylvester (Lebedinsky), biblical studies, literary genre.